

Limba română. Fonetică — Vocabular — Gramatică. — București, Ed. Acad. R. P. R., 1956. 279 стр. (Institutul delingvistică din București Acad. R. P. R.).

Два года спустя после выхода в свет академической «Грамматики румынского языка» (2 тома)¹ Институт языкознания в Бухаресте издал краткое руководство по румынскому языку, предназначенное не только для специалистов, но и для широкого круга читателей.

Книга составлена группой сотрудников Секции грамматики Института — акад. Ал. Грауром, проф. Д. Макря, проф. Ж. Биком и рядом молодых исследователей. Как указано в «Предисловии», она является общим руководством по румынскому языку, включающим в себя не только грамматику, фонетику и лексику, но и общие сведения по языкознанию, а также сведения по истории румынского языка. По сравнению с академической «Грамматикой» в «Румынском языке» сокращены главы по фонетике, морфологии и синтаксису, которые в принципиальном отношении не отличаются от соответствующих разделов прежней работы, за исключением ряда поправок и уточнений.

В главе «Общие сведения по языкознанию» (стр. 11—24) дается краткое и компактное изложение основных вопросов науки о языке; лишь в некоторых случаях эта глава грешит известным схематизмом и наличием излишних цитат. Четко и ясно изложены также «Сведения по истории румынского языка» (стр. 25—35), указывающие на место и время образования этого языка-наследника латинской речи придунайских областей, включившего в себя ряд автохтонных (дако-фракийских, возможно, и иллирийских) элементов. Характеристика исконного латинского фонда лексики дается наряду с иноязычными пластами, прочно вошедшими в румынский язык: славянскими, греческими, венгерскими, турецкими и французскими заимствованиями. Удачно определены основные морфологические процессы, приведшие к упрощению и перегруппировке именного склонения, к развитию разных видов артикля и т. п. Важны также указания на ряд отличий румынского синтаксиса от латинского (развитие конъюнктивных конструкций за счет инфинитивных, развитие особого показателя для винительного падежа личных имен и местоимений *-re*, установление относительно несвободного порядка слов и др.).

В главе «Лексика» (стр. 37—52) рассматриваются вопросы соотношения лексики и грамматики, основного, наиболее устойчивого словарного фонда и противопоставляемых ему архаизмов, неологизмов, областных и профессиональных слов. Раздел о синонимах и омонимах, к сожалению, разработан недостаточно (стр. 40—42). Это же можно сказать о разделе «Фонетика» (стр. 53—62), где, однако, теоретические положения авторы умело сочетают с рядом практических указаний. Полнее всего, с достаточным числом иллюстраций и примеров из современной литературы изложены «Морфология» (стр. 67—184) и «Синтаксис» (стр. 185—268), являющиеся основными и, по нашему мнению, наиболее удачными разделами книги.

Отсылая читателя к упомянутой рецензии на академическую «Граматику румынского языка», содержащей ряд замечаний по основным вопросам, которые остаются в силе и для «Румынского языка», остановимся лишь на некоторых более частных моментах. Недостаточно оправданной является ссылка на славянские языки, якобы способствовавшие сохранению румынского «довольно сложного склонения» (стр. 24), ибо такое развитие именного склонения (за исключением авт. падежа жен. рода на *o: so-ro*) объясняется его внутренними тенденциями и законами. Кроме того, здесь следует говорить не только о сохранении, но и о развитии, ибо склонение существительного с определенным артиклем является специфичным для румынского языка. То же самое надо сказать о среднем роде, якобы сохранившемся и усилившемся под воздействием славянских языков. Известно, что слова среднего рода типа *vedro, vreme* стали в румынском языке существительными женского рода *vedră, vreme* и что мало общего между славянским средним родом и румынским.

Когда говорят о том, что румынский язык был уже «сформирован» в VII в., до активного общения романского населения со славянами, не учитывают, что это активное общение имело место немного позже, начиная с IX в., и играло определенную роль в становлении румынского языка. Кроме того, не все приведенные здесь (и в других работах) фонетические и грамматические аргументы в пользу раннего «формирования» румынского языка являются достаточными или правильными. Так, на стр. 26 говорится, что «грамматический строй румынского языка содержит мало славянских элементов, но это не довод, ибо в румынской грамматике еще меньше, например, фракийских элементов. Что касается фонетики, то нам кажется, что нельзя рассматривать в одной плоскости такие явления, как *hibërna > iarnă* и *ovis* (собственно *ovis*) > *oaie*, и ожидать, что и славянские слова, вошедшие в румынский (типа *treabă*), должны были потерять средний согласный в том случае, если бы они входили в балкано-романскую речь до «формирования» румынского языка. Вряд ли также можно считать безоговорочным переход *a > i* (перед носовым, под

¹ См. рецензию В. А. Лисицкого (ВЯ, 1955, № 6).

ударением) только для латинских элементов (ср. *stîrîp*, которое, если не является славянским, то по крайней мере проникло в румынский через южнославянские языки; ср. также *smîn'înî* < слав. *sъmьtina*). Таким образом, видимо, вопрос о формировании румынского языка следует рассматривать более внимательно, и не только с фонетической стороны, но и со стороны морфологической, а отчасти — словарной.

По нашему мнению, не следует считать статистически окончательно установленным характер «основного словарного фонда» румынского языка (60% — латинские элементы, около 20% — славянские и т. п.), согласно подсчетам Ал. Граура¹. Касаясь вопроса о русском влиянии, следовало бы учитывать, что оно началось еще в XVIII в., а в первой половине XIX в. проявлялось более интенсивно.

Мало внимания уделяется в книге фонетической стороне развития от латинского к румынскому, не объясняются условия развития чередований гласных и согласных в румынском языке. Хотя об изменениях в морфологической структуре говорится подробнее, отсутствует указание на различные этапы формирования грамматического строя румынского языка. В книге, к сожалению, не говорится о появлении письменности на румынском языке и об условиях складывания письменно-литературного языка начиная с XVI в.

Укажем на одну неточность в разделе «Фонетика». Говоря о сочетаниях «глухой + сонант», авторы отмечают, что озвличение глухого происходит нерегулярно, и приводят такие примеры, как *zmeu, gleznî, izlaz*, с одной стороны, и *smîntînî, trosni, slab, destuși* — с другой, забывая, что именно в таком виде они были заимствованы из славянских языков.

В «Морфологии» описания грамматических форм и категорий в некоторых случаях остаются без должных разъяснений относительно их употребления. В книге встречается ряд недостаточно объясненных новых грамматических терминов, как, например, *motiunea, diateza*. При склонении существительных женского рода отсутствуют парадигмы с именами личного рода, что оставляет нераскрытым образование форм звательного и винительного падежей единственного и множественного числа от соответствующих слов. Что касается разных видов артикля, то следовало бы больше остановиться на синтаксических условиях их употребления, ибо логические объяснения недостаточны. Говоря о склонении имен прилагательных, сопровождающих имена существительные, надо уточнить, что здесь мы имеем дело со своеобразным неполным согласованием (ср. дат. падеж: *bîrbatului viteaz* или *frumosului copil*).

Характерным для традиционно-логической позиции авторов является определение местоимений как изменяемой части речи, которая замещает существительное. На самом деле содержание и функции местоимений намного сложнее, а их употребление никак не укладывается в рамки такого определения. Насколько авторы еще придерживаются старой традиции, можно видеть также по тому, что в разряде наклонений глагола рассматриваются и такие глагольные формы, как инфинитив, причастие, герундий и сузив². Спорным является выделение особого наклонения — презумтива (*presuntiv*), являющегося на деле сложным будущим временем с особым оттенком.

Эти замечания ни в коей мере не умаляют того положительного вклада, который вносит данная работа (наряду с другими исследованиями, вышедшими в последнее время в РНР) в научную разработку румынского языка. Книгу «Румынский язык» следует считать ценным и нужным руководством, а появление ее более чем своевременным.

Г. Михайлов

Maurice Toussaint. La frontière linguistique en Lorraine.—Paris, éd. A. et J. Picard, 1955. 240 стр., 1 карта.

Обширная литература, посвященная изучению францужско-немецкой языковой границы, пополнилась еще одним интересным и обстоятельным исследованием — книгой М. Туссэна «Языковая граница в Лотарингии». В своей работе Туссэн ограничивается лишь описанием департамента Мозель. Этот департамент представляет большой интерес для исследования, так как именно здесь францужско-немецкая языковая граница подвергалась наиболее значительным изменениям — до 1500 г. в пользу немецкого языка, а с 1500 и до наших дней в пользу французского, который отвоевывает у немецкого зону шириной до 20—25 км.

Работа М. Туссэна, которой предпослано предисловие (стр. 5—11), составленное Ш. Перреном, состоит из двух частей. В первой части «Колебание лингвистической границы и современное ее положение» (стр. 13—58) дается описание изучаемой языковой границы, излагается история вопроса и приводятся материалы собственных

¹ См. Ал. Граура, *Încercare asupra fondului principal lexical al limbii romîne* [București], 1954.

² Иной точки зрения по этому вопросу придерживается акад. И. Йордан (см. I. Iordana, *Limbă romînă contemporană*, [București], 1954, стр. 424).

исследований и наблюдений автора за последние годы. Здесь можно найти также обширную библиографию трудов по изучению францужско-немецкой языковой границы.

К своим предшественникам М. Туссен подходит критически. В частности, он указывает на недостаточную объективность многих исследователей и их стремление, вопреки фактам, преувеличить удельный вес немецкого языка на изучаемой территории [см. замечания автора о картах, составленных Кипертом и Пфистером, и о неточных сведениях переписи населения в период немецкой оккупации (стр. 16—17)]. В одном из параграфов первой части книги М. Туссен излагает также результаты своих исследований в области археологии и топонимики. Эти данные интересны как дополнительные материалы к исследованию Г. Витте, определившего контуры францужско-немецкой языковой границы в 1000—1500 г., а также К. Тиса, установившего контуры этой же границы в 1885 г. Изучение дальнейшего распространения французского языка с 1885 г. по 1950 г., происходившего особенно интенсивно после воссоздания Лотарингии и Эльзаса в 1918 г., представляет собой оригинальное, принадлежащее автору исследование, в котором он использовал и некоторые данные своих современников (например, статью Ж. Робийо). На карте, приложенной в конце книги, кривая граница к 1950 году вычерчена автором на основании личной анкеты, а также последних данных переписи населения. Как видно из материалов М. Туссена, зона распространения французского языка после 1885 г. доходит до 5 км.

Во второй части работы — «Перечень топонимов общин, расположенных на языковой границе от Люксембурга до Вогеза» (стр. 59—233) — публикуются кадастровые списки¹ деп. Мозель, составленные в 1810—1835 гг. Эти материалы разделены на три части — от Люксембурга до долины р. Мозель, от долины р. Мозель до области двух рек Нид и от области двух Нид до Вогеза. Последовательно перечисляются местности, в которых в рассматриваемый период господствовал французский язык, двуязычные области и области распространения германских диалектов. Для наиболее крупных пунктов дается история их наименований. Например, *Lostruff* (кантон *Albestroff*): *Liuestroff* (XV в.); *Louerstroff* (1476 г.); *Lostruff* (1481 г.); *Losdorf* (1662 г.); *Losdorjen* (1665 г.) (стр. 185). Материал кадастровых списков является новым и мало использован в специальной литературе. Несмотря на неточности и ошибки их составителей, эти списки представляют большой научный интерес.

М. Туссен, так как он не лингвист, не акцентирует внимание читателей на проблеме происхождения и обусловленности диалектных границ в свете новейших достижений романского и германского языкознания. Тем не менее необходимо отметить, что материалы, изложенные в книге, содержат много интересных данных и наблюдений для освещения этого вопроса, являющегося, как известно, одним из наиболее сложных и спорных вопросов французской и немецкой диалектологии. Из работы М. Туссена следует, что современная граница не является ни крайней границей римского расселения, ни крайней границей германской колонизации, а находится где-то между этими двумя границами. Таким образом, выводы М. Туссена в значительной мере совпадают с утверждениями Ф. Штейнбаха и Ф. Петри² о том, что языковая линия между немецким и французским языками представляет собой «линию выравнивания» (*Ausgleichslinie*) при взаимодействии двух культур.

Фактически очертания францужско-немецкой языковой границы, как показывает М. Туссен, обусловлены разными причинами. Известное значение имело направление римских дорог, на которых были установлены укрепления, мешавшие продвижению германских племен к Мецу как к крупному пункту римской цивилизации. Большое значение имела, например, дорога из Меца в Страсбург (через Дельм, Виксюр-Сей, Марсаль, Саарбур)³. В районе двух рек Нид лесной массив Ремий также оказал некоторое влияние на формирование части границы (стр. 24). Большое значение имели и исторические события — заселение выходцами из Пикардии и Вермандуа территории, опустошенной в результате тридцатилетней войны. Эти обстоятельства, а также значительное экономическое развитие области сыграли, по Туссену, решающую роль в продвижении французского языка с 1500 по 1886 гг. в районе Шато-Сален и юго-восточнее (до 25 км).

Содержательное и богатое материалом исследование М. Туссена является большим вкладом в изучение проблемы «романо-германского мира». Эта книга представляет значительный интерес не только для романистов, но также и для германистов, поскольку кадастровые списки содержат и германские наименования. Она может быть полезна и для историков, как и все работы, затрагивающие вопросы языковых границ.

М. А. Бородина

¹ Списки земельной собственности с указанием владельца, населения, часто языка жителей и других сведений.

² См.: F. Steinbach, *Studien zur westdeutschen Stammes- und Volksgeschichte*, Jena, 1926, стр. 179—180; F. Petri, *Germanisches Volkserbe in Wallonien und Nordfrankreich*, Ha'bbd. II, Bonn, 1937, стр. 941—984, особенно стр. 955.

³ Ср. с шоссейной дорогой на карте «Франция», сост. научно-редакционной карто-составительской частью ГУГК при Совете Министров СССР.

Victor Garcia Hoz. Vocabulario usual, vocabulario común y vocabulario fundamental. — Madrid, 1953. 523 стр.

Хотя автор этого необычного словаря не лингвист, а специалист по психологии и педагогике, его работа имеет большое значение именно для лингвистики. Она представляет собой попытку построить словарь, отражающий статистическую структуру испанской лексики. Это первый словарь такого рода, изданный в Испании, тогда как в других странах аналогичные словари существуют уже давно¹.

«Vocabulario», как это видно уже из заглавия, состоит из трех основных разделов. Первый раздел — это «Употребительный словарь». Он составлен так: обследованные тексты автор объединил в четыре группы: частные письма, газеты, официальные документы и книги (художественная, политическая, научно-популярная литература). В каждой группе было подсчитано 100 тыс. слов. В «Употребительный словарь» вошли слова, встретившиеся по крайней мере один раз хотя бы в одной группе, т. е. критерий «употребительности» таков: встречаемость не реже чем один раз на 400 тыс. слов. Этот критерий автор обосновывает для испанского языка следующим образом: при подсчете в первом десятке тысяч слов их оказывается около 1800 различных (остальные 8200 — повторения), во втором десятке тысяч — только менее тысячи новых слов (таких, каких не было в первом десятке), в третьем — около 500 новых слов и т. д. Число новых слов уменьшается с каждым последующим десятком тысяч, и в одиннадцатом десятке появляется всего 90—95 слов. Автор считает, что если слово встречается реже чем один раз на сто слов, оно не является употребительным. Поэтому в каждой группе и было подсчитано десять десятков тысяч, т. е. 100 тыс. слов, а всего 400 тыс. слов.

Однако большое число (509) слов, удовлетворяющих критерию употребительности, как его определял сам автор, не включено в «Употребительный словарь» только потому, что они отмечены как специальные в Академическом словаре испанского языка или вообще отсутствуют в нем (см. «Diccionario manual e ilustrado de la lengua española, 2-a ed., Madrid, Real Acad. española, 1950). Среди таких слов мы найдем *astronomía, bacteria, gripe, solista, ti is...* (отмечены как специальные), *amical, antifascista, b. indado, bolchevizar, celofán, típicamente...* (отсутствуют) и т. д. Эти слова собраны в двух приложениях к «Употребительному словарю».

Затем следует «Общий словарь», который содержит слова, встретившиеся хотя бы по одному разу в каждой из четырех вышеупомянутых групп текстов (всего 1971 слово). Если слово не встретилось в какой-нибудь одной из этих групп, оно не допускается в «Общий словарь». При этом критерий «общими» не являются, например, следующие слова: *abuelo, allá, av.ón, baile, comer, doña, gustar, mamá, película, quitar, regla, sueño* и т. д. Слова с достаточно высокой частотностью (не ниже 40), но встречающиеся не во всех четырех группах текстов помещены в специальное приложение (212 слов).

«Основной словарь» состоит всего из 208 слов. Как же они были отобраны? Прежде всего автор вычислил так называемые «коэффициенты сходства» каждой пары из четырех групп текстов (коэффициент сходства — число, показывающее степень близости двух групп). Коэффициент сходства тем больше, чем больше число общих слов в одной и другой группе и чем ровнее их распределение (если слово имеет равное распределение в двух группах, это означает, что его частотности в одной и в другой группе приблизительно равны). Ближе всего друг к другу оказались газеты и документы (коэффициент сходства 0,925), потом — газеты и книги (0,889), потом — документы и книги (0,878), письма и книги (0,805), письма и газеты (0,764), письма и документы (0,710).

Подсчеты, проведенные автором на стр. 466—467, показывают, что значения коэффициентов сходства образуются главным образом за счет слов с частотностью более 400 и некоторых слов с частотностью от 40 до 400, имеющих приблизительно равное распределение по всем четырем группам текстов. Вот эти-то слова и вошли в «Основной словарь».

«Употребительный словарь» составляет первую часть книги, «Общий» и «Основной» вторую; а третья, озаглавленная «Анализ факторов», содержит сравнение всех четырех групп текстов между собой при помощи статистических методов.

Оказывается, что наиболее богата лексика книг — 7974 слова. Затем идут газеты — 7094 слова, документы — 5945 слов и, наконец, письма — 3876 различных слов. В письмах меньше всего слов, не вошедших в «Общий словарь» (3876—1971 = 1905). Тем не менее подсчеты автора (стр. 507) показывают, что именно лексика писем наи-

¹ См.: F. W. K a e d i n g, Häufigkeitwörterbuch der deutschen Sprache, Steglitz, 1897—1898; V. A. C. H e n n o n, A French word book; based on a count of 400,000 running words, Univ. of Wisconsin, 1924; G. E. V a n d e r B e k e, French word book, New York, 1929; E. L. T h o r n d i k e and I. L o r g e, The teacher's word book of 30 000 words, New York, 1944; H. S. E a t o n, A comparative frequency list, New York, 1934.

более специфична («показатель специфичности» для писем — 0,463, для книг — 0,322, для газет — 0,248 и для официальных документов — 0,220). Это можно объяснить тем, что многие слова хотя и встречаются во всех группах (и входят в «Общий словарь»), но имеют крайне высокую частотность только в письмах, чем и создают специфичность эпистолярной лексики. Например:

Слова \ Вид текста	Вид текста			
	Письма	Газеты	Документы	Книги
<i>beso</i>	451	62	115	100
<i>mío</i>	724	23	19	88
<i>querido</i>	325	3	8	11

т. е. *beso* употребляется в письмах почти в 2 раза чаще, чем во всех остальных текстах, *mío* — более чем в 5,5 раза, а *querido* — в 15 раз.

Автор показывает различие между «Употребительным», «Общим» и «Основным» словарями по частотности входящих в них слов. Так, в 400 тыс. подсчитанных слов слова из «Употребительного словаря» встречаются в среднем по 31 разу каждое, из «Общего словаря» — по 172 раза и из «Основного словаря» — по 1324 раза.

Стремление выделить различные слои испанской лексики, опираясь на числовые данные, — одно из основных достоинств рецензируемого словаря. Однако не все в этой работе представляется одинаково убедительным. Так, вызывает сомнение само разделение текстов на те четыре группы, которые автор получил, исходя из совершенно ненаучного представления о четырех «основных аспектах жизни» (семейная жизнь — письма, общественная — газеты, общественная организованная жизнь — официальные документы, культурная жизнь — книги). Поэтому неудачен и критерий, которым пользовался автор для отнесения слов к «Общему словарю» (обязательное вхождение во все четыре группы).

Автор исключил из рассмотрения лексику драматургии: театр якобы «отражает жизнь» не такой, какова она на самом деле, а такой, как ее воспринимает автор пьесы (стр. 21). Тем не менее язык художественной прозы учитывается в его словаре.

Непонятно, почему под рубрикой «книги» смешаны такие разнородные явления, как романы, специальные научные труды, публицистика и детские сказки. В рубрике «официальные документы» оказалось 45 бюллетеней различных епископств при 13 правительственных и 14 профсоюзных публикациях, что, вероятно, искажает реальную картину.

С одной стороны, стремясь быть объективным и строго придерживаться принятых им критериев, автор не включил в «Общий» словарь даже таких слов, как *tú* и *lo*; с другой стороны, он идет на искажение своих собственных объективных данных в угоду Академическому словарю (хорошо известному своей консервативностью).

Наконец, общее число подсчитанных автором слов все-таки недостаточно велико (в аналогичных словарях подсчитывалось, например, у Кединга — 11 миллионов, а у Вандер-Беке — 1 млн. 200 тыс. слов). Поэтому его выводы нередко основываются на случайности; так, в письмах автор не встретил таких слов, как *campesía*, *cultura*, *ferrocarril*, *la medicina*, *oriente* и т. д. В книгах — *ferrocarril*, *paciencia*, *piloto*, *republicano*, *indical*, *teléfono*.

Учтя все вышесказанное, мы должны будем признать, что автор не выполнил поставленной им самим задачи: получить в виде своего «основного словаря» «vocabulario del hombre de la calle» («словарь простого человека», буквально: «словарь человека улицы»). Но это не мешает его работе оставаться интересным и поучительным образцом статистического исследования лексики. Неоднократно говорилось и писалось о роли статистики в языкознании. Она особенно важна при изучении лексики, где число объектов анализа очень велико и где количественные закономерности проявляются наиболее последовательно и являются наиболее показательными. «Словарь» Виктора Гарсия Ос — шаг вперед по пути разработки методов и техники статистического описания словарного состава языков. Что же касается путей практического применения этого словаря, то автор сам указывает два из них (в лексикологии и в стилистике) в конце своей работы (стр. 514): «Я осмелюсь утверждать, что подобный словарь может служить... отправной точкой для исследований по употреблению того или иного типа слов... Кроме того, я подозреваю, что в нем скрыт путь изучения стиля литературных произведений».

И. А. Мельчук

S. Elia. Orientações da lingüística moderna. — Rio de Janeiro, Livr. acadêmica, 1955. 245 стр. («Biblioteca brasileira de filologia», № 7).

Книга бразильского лингвиста С. Элия «Направления современной лингвистики» представляет собой критический обзор основных направлений в языковедении с позиций эстетического идеализма. Она охватывает период от К. Фосслера до современного структурализма. Книга открывается разделом общетеоретического характера (стр. 17—45), где автор излагает свою точку зрения на предмет и задачи языковедения. По мнению С. Элия, наука о языке разделяется в соответствии с объектами изучения на две основные дисциплины: стилистику и собственно лингвистику. Стилистика изучает язык как индивидуальный творческий акт, отражающий психологические особенности говорящего; лингвистика же изучает функционирование языка как исторически сложившейся системы знаков.

Задачи и содержание лингвистики излагаются в рамках концепции Ф. де Соссюра и таких его последователей, как А. Мейе и Ш. Балли. В связи с этим дается обзор работы Мейе «Общее и историческое языковедение» (1921). Затем автор переходит к изложению предмета и задач стилистики как второй составной части науки о языке. Опираясь на соссюрское деление языковедения на «лингвистику языка» («linguistique de la langue») и «лингвистику речи» («linguistique de la parole»), автор анализирует точку зрения К. Фосслера: «стиль — это индивидуальное языковое употребление в отличие от общего» — и излагает основные идеи Ш. Балли, Ж. Марузо, Д. Алонсо, Е. Косериу и других лингвистов по вопросу о соотношении индивидуального и общего в языке.

Здесь же формулируется основная концепция автора, который разделяет взгляды школы Фосслера: «Наука о языке — это, в сущности, стилистика» (стр. 62). Эстетическому идеализму Фосслера посвящен особый раздел книги (стр. 75—94), в этом разделе дается обзор его программной работы «Позитивизм и идеализм в языковедении» (1904) и излагаются некоторые положения книги В. Кроче «Эстетика как наука о выражении и общем языковедении» (1902—1908) — философской основы эстетического идеализма. Приводится также подрбный анализ сборника работ Фосслера «Философия языка», вышедшего в 1943 г. в Буэнос-Айресе в испанском переводе.

Следующая глава книги С. Элия (стр. 97—118) посвящена основным наблюдениям и выводам лингвистической географии. Приводятся сведения об основных трудах по созданию лингвистических атласов и кратко характеризуются методы лингвистической географии.

Отдельный раздел (стр. 121—143), озаглавленный «Семантика», посвящен рассмотрению языковых теорий современной семантической философии — одного из направлений неопозитивизма. С. Элия показывает, как, опираясь на концепцию де Соссюра о том, что «лингвистика есть часть семиологии — науки о знаковых системах», логические позитивисты Р. Карнал, Ч. Моррис и др. сосредотачивают философский анализ на рассмотрении проблем значения слова, связи слов, вещей и понятий. Излагается ряд положений программной работы Р. Карнана «Введение в семантику» (1940).

Далее автор критикует направление семантики, связанное с приложением ее к социологии и политике. (Как известно, приверженцы этого направления утверждают, что причины социального зла и конфликтов лежат в незнании семантических правил и вытекающем отсюда неправильном употреблении языка.) Резко критикуются, хотя и с идеалистических позиций, книги А. Коржибского «Наука и здоровье» (1933), С. Чейза «Тирания слов» (1943), С. Хайкава «Язык в мышлении и реальности» (1952).

В следующих двух главах книги рассматривается основное направление современной зарубежной лингвистики — структурализм. Первая из этих глав («Структурализм») посвящена Ельмслеву и копенгагенской школе, вторая («Фонология») — фонологическим концепциям пражской школы.

Автор показывает, как, опираясь на основные положения Ф. де Соссюра, Ельмслев создал свою глоссематику — теорию абстрактных отношений. Подробно излагаются основные идеи работы Ельмслева «Введение в теорию языка» (1953). Автор считает, что наиболее плодотворным является применение структуральных методов исследования языка на фонемном уровне. Для получения удовлетворительных результатов в области морфологии и синтаксиса надо изменить методы анализа, поскольку, в отличие от фонемы, морфема и слово являются носителями самостоятельного значения. При этом автор не выходит за рамки фосслеровской концепции языка как индивидуального творческого акта и его критика структурализма остается недостаточно убедительной.

В главе «Фонология» рассматривается главным образом работа Н. С. Трубецкого «Принципы фонологии» (1939). Кроме того, излагается история создания фонологии как научной дисциплины и приводятся определения фонемы, предложенные различными учеными: Д. Джонсом, И. А. Бодуэном де Куртэнэ, Л. Блумфилдом и др.

В качестве примера применения фонологической теории пражской школы к кон-

кретному языку очень кратко (стр. 197—202) излагаются основы фонологической системы португальского языка.

В книге имеется приложение, где помещены журнальные статьи С. Элиа за 1952—1953 гг., являющиеся ответом на критику его учебника «Компендиум языка и литературы» (1951). Книга рассчитана на широкого читателя.

Р. М. Фрумкина

B. T. Sozzi. Aspetti e momenti della questione linguistica. — Padova, Liviana editrice, 1955. 239 стр.

Книга Б. Т. Соцци посвящена проблеме литературной нормы итальянского языка, т. е. вопросу, который интересовал языковедов и неязыковедов со времени Данте и продолжает интересовать и в наши дни. В первой части книги («Аристократия и демократия в лингвистической контроверзе») излагаются в хронологическом порядке взгляды филологов XVI в. на проблему литературной нормы. Автора интересует прежде всего XVI век, так как именно в этот период споры относительно нормы литературного языка носили ожесточенный характер. Эта часть исследования богата систематически изложенным интересным материалом, касающимся проблемы литературной нормы, которую автор рассматривает в трех аспектах: язык какого народа, язык какого времени и язык какого социального слоя должен быть стать литературным языком Италии. Советский читатель, знакомый с контроверзой по исследованиям Лабанд-Жанруа¹ и Б. Мильорини², найдет в книге Б. Т. Соцци более полный материал (так, например, он сможет познакомиться со взглядами таких лингвистов, как Челлини, Беллафини, Фиросцуола, Каро, Руселли и др., о которых Мильорини не упоминает).

Во второй части книги, рассматривающей взгляды Сальвиати, автор ставит перед собой задачу — подробно анализировать отношение этого лингвиста к течению бембизма и к академии Круска. Особое внимание к трудам Сальвиати³ объясняется тем, что критическая литература о произведениях лингвистов конца XVI в. значительно беднее, чем литературы о первой половине века; кроме того, сложившееся традиционное представление о Сальвиати как о стороннике и пропагандисте положений Бембо (также, например, мнение Мильорини в указанном произведении) рассматривается автором как не соответствующее действительности. Для доказательства подробно анализируется основное произведение Сальвиати «*Degli Avvertimenti della lingua sopra l'Decamerone*».

Точка зрения Б. Т. Соцци может быть схематично выражена следующим образом: Сальвиати старается примирить устаревшее с современным, литературный язык с живым народным языком, что приводит его к эклектизму, хотя литературное и архаичное в разной мере в лексике, морфологии, синтаксисе и орфографии) в общем превагирует над народной струей.

Большой фактический материал, стремление пересмотреть некоторые положения, ставшие традиционными, делают исследование Соцци ценным пособием для итальяниста-языковеда и литературоведа. Следует добавить, что автор собрал большую библиографию по различным общим и частным вопросам данной проблемы.

Но в книге есть и недостатки. Автор не раз подчеркивает, что вопрос языковой нормы не может быть автономным вопросом, не зависящим от экономической и политической жизни общества. Однако автор часто отступает от этого утверждения: исследование в общем ведется в отрыве от исторических условий жизни народа. Далее, в первой части исследования автор незаслуженно умалчивает об А. Л. Читтолини и о его исследовании «*Lettera in difesa della lingua volgare*» (Venezia, 1540), о стороннике «общего» языка — Акиллино и о трех письмах Донни, хотя деятельность этих лингвистов относится к периоду, изучение которого Б. Т. Соцци ставит своей задачей.

Г. Лебедева

¹ Th. Laband-Jeanroy, *La question de la langue en Italie*, Paris., 1925.

² B. Migliorini, *La questione della lingua*, «*Questioni e correnti di storia letteraria*», Milano, 1949.

³ См. также Б. Т. Соцци, *Tasso contro Salviati*, «*Studi sul Tasso*», Pisa, 1954.

I. M. Carlsen and P. M. H. Edwards, A numericon of Russian inflections and stress patterns. A guide for students of Russian.—Vancouver, B. C., Canada, 1955. 213 стр.

Цель составителей книги «Нумерикон флексий и моделей ударения в русском языке» И. М. Карлсен и П. М. Эдвардса — практическая. Они стремились помочь изучающим русский язык правильно употреблять изменяемые формы, ударение и чередование, свести до минимума затраты усилий при освоении иностранного языка. Оригинальность данного пособия заключается в том, что в нем делается попытка применить систему кодифицирования информации при помощи цифровых и буквенных кодов и многочисленных схем в целях более сжатого описания русской грамматики.

Книга включает в себя словарь, материал к которому отбирался по работе О'Брайена (M. A. O'Brien, *New English — Russian and Russian — English dictionary (new orthography)*, New York, 1944). Слова разделены на морфемы («элементы», по терминологии Карлсен и Эдвардса), т. е. в них выделяются префиксы, суффиксы, корни и окончания (к сожалению, делается это не всегда точно). Каждый элемент слова помещается в словаре в алфавитном порядке. Так, слово *несведомленный* нельзя обнаружить целиком на букву Н, но под соответствующей буквой можно найти каждую из семи морфем этого слова: *не;о;с;вед;ом;лен;н-ый*; под буквой В находим корень *вед-*, под буквой О — суффикс *-ом* и т. д. При этом может случиться, что корни сходного орфографического вида (*-мал-*) являются носителями совершенно различных значений: *мал,м-а*, *мал,ейш-ий*, *мал,ея-ть* и т. п., но помещается в словаре такой корень лишь один раз.

Корни сопровождаются определенным кодом, расшифровка которого дается в специальной ключевой таблице в конце книги. Например, код V-2430-с при глаголе *на,лис;ать* указывает, что цифра 2000 в колонке с буквой V (verb «глагол») покажет личные окончания глагола в настоящем и будущем времени; цифра 400 в этом же столбце — флексия императива; 30 — ударение для настоящего и будущего времени. Буквенный код «с» в колонке с чередованием установит, что согласный «с» в русском языке чередуется с «ш» по правилам, данным в разделе «Чередования» № 2 (перед словарем). Наконец, в словаре делаются различные грамматические пометы. Подобный словарь, расположенный в алфавитном порядке морфем языка, дает своеобразное наглядное представление о морфологической структуре слова.

Перед словарем дан достаточно подробный очерк грамматики русского языка. Здесь приводится описание различных частей речи и характеристика следующих категорий: время, вид, наклонение, число, лицо, падеж и пр. Такие явления русского языка, как беглые гласные, чередования, степени сравнения, ударение, вызвали особые комментарии И. М. Карлсен и П. М. Эдвардса, сопровождаемые большим количеством схем и диаграмм. В конце грамматической части работы помещены фразы, вызывающие трудности при переводе с английского языка на русский.

В руководство включен также русский алфавит (и наиболее удобная система транслитерации), сопровождаемый пометами в отношении гласных, согласных, диакритических знаков и т. п. Книга может быть использована не только иностранцами при изучении русского языка, но и русистами при анализе морфологического строя русского языка.

А. И. Кузнецова

Joseph Schütz. Die geographische Terminologie des Serbokroatischen. — Berlin, Akademie-Verlag, 1957. 113 стр.

И. Шютц, унаследовавший от своего учителя Р. Траутманна точность и краткость изложения, вносит ценный вклад в изучение лексики южнославянских языков работой «Географическая терминология сербского языка»; задачу этого исследования сам автор определяет как «расположение всей сербской лексики, касающейся географических понятий, по семантическим полям» (например, *гора, лес, река*).

И. Шютц проделал кропотливый труд по точному определению значений нескольких сот сербских слов — географических терминов [не в узком значении «научных терминов», хотя таковые также разбираются в книге, а вообще названий, бытующих во всех слоях языка (включая диалекты) для обозначения деталей географического ландшафта: форм рельефа, водной сети и т. п.], по установлению места каждого слова в синонимическом ряду из нескольких названий, по указанию источников, засвидетельствовавших слово, работ, дающих этимологию слова. Эта книга устраняет необходимость проведения подобной подготовительной работы для данной семантической группы слов при составлении будущего сербского этимологического словаря, которого так недостает славистам.

Не пытаясь этимологизировать каждое приводимое слово (для краткости в списке слов вообще не дается этимология, а только делается ссылка на соответствующие словари для работы), И. Шютц, однако, в предпосланных основной части «Методических соображениях» приходит к интересным выводам. Рассмотрение слова не изолировано, а в синонимическом ряду позволяет объяснить ряд неясных прежде образований. Так, становится понятной связь между общеслав. **ъrdo* «холм, гора» и **ъrdo* «бёрдо» (часть ткацкого станка) при сопоставлении этих слов с рядом других случаев перенесения названий частей ткацкого станка на части географического ландшафта. Анализ этого явления — языковой метафоры — представляет интерес для специалистов по общему языкознанию тем более, что автор не ограничивается изложением фактов, но связывает их с концепциями И. Трйра, В. фон Вартбург. В другом синонимическом ряду со значением «лес» И. Шютц выделяет нейтрально окрашенное слово (серб. *šuma* «лес») и показывает, почему именно оно стало наиболее общим обозначением.

Отказавшись, ввиду полного отсутствия предварительных исследований, от первоначально поставленной перед собой задачи — определить, каким изменениям подверглась общеславянская географическая терминология в сербском в связи с коренной переменной географической среды (карстовый рельеф Югославии по сравнению с низменностями севернее и восточнее Карпат, откуда началось движение славян на Балканы), автор тем не менее сделал многое для того, чтобы будущий исследователь (можно надеяться, что им будет сам И. Шютц) решил ее. В этом отношении ряд выводов в заключительной книге главе о соотношении географической терминологии и географической среды интересен для каждого слависта-лингвиста и историка.

Подробным разбором сербских названий карстовых форм рельефа (в том числе и серб. *Kras*, словенск. *Kras* «карст», вошедшего в специальную географическую терминологию всех европейских языков; ср. русск. *карст*, нем. *Karst* и т. п.) И. Шютц показал несостоятельность теории П. Скока (считавшего, что такие названия являются, в основном, иллирийскими реликтами) и установил их славянское происхождение и архаическую структуру. Такой вывод подтверждает предположение историков о слабой зазеленности карстовой области во времени славянского поселения. (В связи с этим интересно, каковы были бы результаты подобного исследования для болгарской лексики, относящейся к рельефу Балкан).

Исследователей восточнославянских языков должно заинтересовать отмечаемое и раньше и подтвержденное И. Шютцем на более широком материале сходство сербских (и вообще южнославянских) и западноукраинских (собственно, закарпатских) географических терминов: кроме общеизвестного серб. *plan'na*, болг. *планина* — укр. *подолина*, еще: серб. *grđot* — зап.-укр. *еретим* «голые утесы»; серб. *di* — зап.-укр. *діа* «холм» и некоторые другие.

Автор кратко анализирует также поздние заимствования (из турецкого, итальянского и т. д.), причем в ряде случаев показывает обусловленность заимствования сдвигом внутри славянской лексики (например, серб. *d lga, talas* «волна» из турецкого вследствие фонетического совпадения общеслав. **ъlānā* «волна» и **ъlāna* «шерсть»).

Не свободная от вызывающих возражения этимологий (что неизбежно в исследовании такого рода), книга И. Шютца, несомненно, заполняет один из существенных пробелов современного славянского языкознания.

В. М. Илич-Свитыч

Н. Конечна і W. Zawadowski. Obrazy rentgenograficzne głosek rosyjskich («Prace Komitetu językoznawczego PAN», № 9). — Warszawa, Państw. wyd-wo naukowe, 1956. 105 стр., 262 рис.

Работа Г. Конечной и В. Завадовского «Рентгенография русских звуков» возникла в связи с потребностью обучения русскому языку и правильному русскому произношению. Ее теоретическая часть является продолжением и дополнением проведенных ранее аналогичных исследований звукового состава польского языка (см. исследование тех же авторов «Przegląd o rentgenograficzne głosek polskiego», Warszawa, 1951, 16 стр., 146 схем). Изучение русских звуков, анатомо-физиологическое описание их артикуляций авторы основывают на рентгенограммах, произведенных в момент артикуляции звука. В качестве дикторов с ними работали три женщины и мужчина — уроженцы Москвы и Ленинграда, которые владеют правильным литературным произношением и хорошо знакомы с научной фонетикой современного русского языка. На пленке фиксировались произношение как изолированных звуков, так и связанных в словах (например, все безударные гласные).

Книга снабжена двумя рентгенограммами и 260 штриховыми схемами рентгеновских снимков, которые служат основой изложения. Результаты экспериментального рентгенографического изучения звуков русской речи дополнены палатограммами из

трудов В. А. Богородицкого («Опыт физиологии общерусского произношения», Казань, 1909), Л. В. Щербы («Русские гласные в качественном и количественном отношении», СПб., 1912) и Т. Венни (T. Veni, *Palatogramy polskie*, Kraków, 1931). Работе предпосланы вступительные замечания проф. Г. Конечной о методе рентгенографического исследования и статья проф. В. Завадовского о применении рентгенологии для нужд экспериментальной фонетики вообще, о принципах рентгенографии, а также о методах и условиях произведения снимков при данном исследовании.

Основная часть книги — это три главы, посвященные ударным гласным, безударным гласным и согласным. Данные о произношении каждого звука состоит, как правило, из подробного, на базе схем-рисунков, описания артикуляции звука (отдельно для каждого диктора), обобщения этих наблюдений, сравнения с польским языком, а также определения этого звука в предыдущих лингвистических трудах. Каждый раздел (ударные и безударные гласные, согласные) оканчивается синтетической характеристикой данной группы звуков, общим сравнением с соответствующими польскими звуками, рассмотрением их с точки зрения общей фонетики, сравнением со звуками других европейских языков. Наиболее изучена авторами группа ударных гласных, менее всего — безударные гласные. Исходя из общих сведений о взаимодействии органов речи, авторы пытаются в ряде случаев объяснить различные фонетические явления в истории славянских языков (см., например, палатализация согласных перед гласными переднего ряда). Причину фонетического развития языков Г. Конечная и В. Завадовский вслед за проф. В. Дорошевичем видят в неидентичности артикуляции звука даже у одного лица, в постоянных артикуляционных колебаниях.

Проведенное исследование рентгенограмм русских звуков позволило авторам не только подробно описать артикуляции звуков русского языка, уклад органов речи, дать сравнительный анализ фонетического рисунка польской в русской речи, но и поставить ряд проблем из области общей фонетики, в частности вопрос о взаимодействии органов речи, об артикуляционных тенденциях, о безударных гласных и др.

Т. С. Тихомирова